

Ю.В. Казанцева (ИИиА УрО РАН)

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

Как свидетельствуют письма 20-х гг., советские граждане чаще всего испытывали страх перед угрозой будущей войны и ростом преступности. В мирное время тяготы войны не исчезли — в городах шла борьба за выживание.

После гражданской войны деятельность преступных элементов значительно активизировалась. Особенно это касалось крупных промышленных центров России. Тяжелое экономическое положение, разруха сопровождалась голодом 1921–22 гг., что повлияло на рост преступности практически во всех регионах страны.

Урал не стал исключением. В Челябинской губернии в 1920 г. уровень преступности был ниже, чем в предыдущих годах, и раскрытыми считались более половины преступлений. В 1920 г. первое место среди видов нарушения закона занимали кражи (около 30%), за которыми следовали незаконное изготовление алкоголя и спекуляция (по 12%). Каждые 2 из 5 преступлений, по подсчетам И.В. Нарского, совершались в Екатеринбурге и его уезде¹.

Наибольшего размаха преступность достигла в 1921–22 гг. — количество преступлений увеличилось в 1,5 раза. Положение усугублялось тем, что вооружения и людских ресурсов советской милиции было недостаточно, чтобы активно противостоять криминалу. (В 1921 г. в различных уездах Челябинской губернии 1 милиционер приходился на территорию от 104 до 127 кв. км с населением от 916 до 2000 человек². Эти же тенденции были отмечены и на Среднем Урале). В милицеских сводках 1921 г. нередко упоминается о нехватке средств передвижения, недостатке вооружения милиционеров. В июне 1921 г. Невьянский комитет партии просил прислать хотя бы 1 велосипед и снабдить оружием, годным к употреблению³ «Меры против дезертиров не принимаются, ввиду того, что у коммунистов нет оружия, а в милиции только 2 человека», — сообщал начальник милиции Невьянского района...⁴

Среди грабителей на улицах уральских городов нередко были дезертиры. Так, в милицеской сводке от 3 августа 1921 г. говорится о банде 7 дезертиров («хорошо вооружены и имеют хороших кавалерийских лошадей»), которые обвинялись в совершении грабежей, краж у граждан Быньговского завода⁵. Банды орудовали рядом со станцией

Анатольской, жители которой были запуганы совершавшимися здесь грабежами и убийствами. На дезертиров устраивались облавы, силами милиционеров и местных активистов организовывались заставы, каждую ночь город охраняли патрули.

В 1921–1922 гг. преступность в Челябинске несколько снизилась. Но изменилась статистика правонарушений в сельской местности (там наблюдался очевидный рост преступности). Также изменилось соотношение видов правонарушений — удельный вес краж возрос до 70%, что может объясняться снижением уровня жизни до нулевой отметки⁶. О том же говорит статистика Екатеринбургской, Пермской губерний. В июле 1922 г. газета «Уральская новь» приводила такую статистику по Екатеринбургу и его уезду: «раскрыто 2 бандитских организации, 1 вооруженное ограбление, 21 убийство. Зафиксировано 10 самоубийств, 354 мелких кражи, 121 — крупная. Задержано 97 воров»⁷. В 1923 г. тенденции сохранялись. Так, по Екатеринбургскому уезду в январе 1923 г. было совершено 496 различных преступлений. Из них наибольший процент падал на кражи. В январе мелких краж было 159, крупных — 67, всего: 226. Оскорблений личности зафиксировано 42, драк — 26, убийств — 12, взяток — 12. В феврале кражи составляли 42% от общего количества преступлений⁸. В других крупных городах страны сложилась та же ситуация. В Петрограде лица воровской профессии совершали до 70% всех преступлений. Количество краж по сравнению с 1920 г. возросло в 3 раза⁹.

В 1922–1923 гг. серьезную опасность для городских жителей продолжали представлять бандитские группы. Вооруженные налеты на квартиры совершались под предлогом покупки вещей по объявлениям и сопровождались убийствами. Одним из распространенных способов уничтожения было разрубание жертв на части и разбрасывание их в различных районах города. Газеты этих лет нередко сообщали об убийстве целых семей по корыстным причинам.

Уральский город начала 20-х гг. невозможно представить без «уличного жителя» — беспризорника. К началу 1921 г. в стране насчитывалось около 5,5 млн, к 1922 г. более 7 млн беспризорных детей. К общеизвестным причинам беспризорничества — война, эпидемии, массовый голод, добавилась еще одна — «классовая». Детей нетрудовых элементов, лишенцев исключали из школ. Но примерно 70% уличных беспризорников в стране составляли деги рабочих, около 20% — выходцы из интеллигентных семей, 10% приходилось на остальные социальные группы. А.Рожков отмечает, что если в 1917 г. беспри-

зорники составляли 1–2% всех московских детей, то уже к середине 20-х гг. эта цифра возросла до 25–40%¹⁰.

По подсчетам А. Павлова основная масса преступлений детей в Петрограде (от 60 до 70%) приходилась на кражи¹¹. По данным Челябинской губернской комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей более половины малолетних преступников совершали кражи преимущественно вещей домашнего обихода¹². И более половины краж совершалось под влиянием голода, бездомности, крайней нужды.

При отсутствии контроля со стороны взрослых и положительного примера, недостатке средств к существованию огромное влияние на детей оказывала преступная среда. Дети оказывались под контролем рецидивистов, примерно с 14–16 лет образовывали воровские шайки. В одном из писем в редакцию «Уральского рабочего» рассказывается о такой шайке малолетних карманников в Екатеринбурге, которые «угнездились на улице Ленина» и «курируют» территорию от почты и до уголовного магазина. «Шайка великолепно организована: члены ее ведут «наблюдение» за посетителями и имеют прекрасную связь между собой. Доходит до того, что они занимаются подделкой талонов, по которым получают товар. Здесь встречаются дети разных возрастов, начиная от 7 лет. Есть мальчики, у которых одежда в порядке. Их можно встретить также и на рынке, на вокзале и в других местах, где бывает много народу»¹³.

Голод 1921–22 гг. принес еще один вид преступления как в городе, так и в деревни. Одновременно с голодной смертью получили развитие специфические формы «голодной преступности»: самоубийства, вызванные голодом; убийства членов семьи с целью облегчения от голодных мучений или в целях оставления живым больших продовольственных запасов, убийства с целью грабежа, трупоедство, людоедство. В Челябинской губернии голодающими было признано свыше 900 тыс. человек, что составляло 2/3 всего населения губернии. В трех наиболее пострадавших от голода уездах Челябинской губернии (Верхне-Уральском, Троицком, Миасском) было зарегистрировано 96 случаев людоедства. (Всего по губернии 98)¹⁴. В этот период по Уралу прокатилась третья волна беженцев, по количеству которых нет точной статистики.

Введение НЭПа с развитием частного предпринимательства, увеличением количества рынков наряду с голодом разрушало и без того шаткую грань между действием, разрешенным законом, и противоправным поведением.

Свою роль в криминализации обстановки в городе играло пьянство. С начала Первой мировой войны до середины 20-х гг. в России стремились проводить антиалкогольную политику, которую вряд ли можно оценить как успешную. С начала 20-х гг. на Урале отмечен рост кумышко- и самогоноварения. В милицеских сводках нередко сообщается, что «пьянство не искореняется, а наоборот, усиливается», наблюдаются случаи пьянства среди партработников, что активно обсуждается «беспартийными массами». В рапорте в Екатеринбургскую губернскую милицию от 14 января 1922 г. говорится о том, что милиционер 9 района при совершении обхода Бисертского завода был вынужден задержать группу граждан, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Задержанные пытались разоружить милиционера. Один из помогавших милиционеру граждан был ранен задержанным. Среди хулиганов оказались секретарь и члены партии¹⁵. Газета «Уральский рабочий» сообщала, что в Надеждинске на 20 тыс. населения имеются 3 пивные, в г. Кыштыме пьет 10% населения¹⁶.

Нельзя сказать, что власти и общественность оставались равнодушными к этой проблеме. В 1923 г. в Екатеринбурге почти ежедневно выносились постановления о закрытии пивных. Известное в городе заведение «Шестая часть света», зарегистрированное при Союзе Инвалидов, было закрыто как «очаг разврата и проституции, притон для уголовного элемента»¹⁷.

В 1925 г. Облисполком принял обязательное постановление о мерах борьбы с пьянством и хулиганством. В нем, в частности, предлагалось воспретить продажу хлебного вина по воскресеньям и праздничным дням. В рабочие дни торговля хлебным вином разрешалась с 9 часов утра до 15 часов дня. (По субботам и предпраздничным дням торговлю хлебным вином прекращали на 2 часа ранее конца занятий в государственных учреждениях и предприятиях). Был установлен лимит продажи — не более 1 бутылки на человека. Уполномоченный Центроспирта по Свердловскому району отмечал, что эти запреты привели к созданию притонов. «Рождество наводнило улицы пьяными и дебоширами, люди выпивали дома»¹⁸.

Летом 1925 г. государство ввело монополию на производство алкоголя. Доля от продажи водки и спиртных напитков в бюджете возросла с 2% в 1923/1924 г. до 12% в 1927/1928 финансовом году. По данным А.И. Черных, потребление спиртного в 1925 г. на душу населения составило 0,88 л, душевое потребление алкоголя в городе было в 4 раза больше, чем на селе. Это может объясняться плохими жилищны-

ми условиями горожан, когда теснота, скученность выгоняют их на улицу, отсутствием привычки к чтению, другим возможностям культурного досуга.

В записке ВСНХ СССР председателю Уральского облисполкома от 25 ноября 1925 г. говорилось о высоких цифрах реализации водки в городах. По свердловскому району количество реализованной продукции было почти одинаковым в городе и деревне — 50% и 50%. Но в директиве СТО первоначально была задана более высокая цифра реализации водки в деревне — не менее 70%, затем 85%¹⁹.

Каждый лишний рубль горожанин тратил на алкоголь: при одинаковом уровне доходов семьи с меньшим числом членов тратили на спиртное больше, чем большие семьи²⁰.

Различным было потребление водки рабочими и служащими. При примерно одинаковом заработке — у рабочих около 106 руб. в месяц, у служащих — 113 руб., расходы рабочих семей на приобретение спиртных напитков были значительно выше. К тому же доля семей служащих, не употребляющих спиртное, на порядок выше, чем семей рабочих²¹.

В первом квартале 1926 г. уральский рабочий тратил на алкоголь приблизительно 7 руб. 38 коп., в 1928 г. — 11 руб. 29 коп. За тот же период его траты на культурные расходы не выросли, колеблясь в пределах 1,5–1,6% заработка²².

В тот период проблема пьянства не только не была разрешена, скорее она обострилась не без помощи государства.

С алкоголизмом тесным образом связаны душевные болезни, проституция, хулиганство. Местами хулиганских действий в городах являлись места значительного скопления людей — театры, кинотеатры, клубы, сады, базары. Уголовный кодекс 1922 г. квалифицировал хулиганство как уголовное преступление, которое наказывалось либо принудительными работами, либо лишением свободы на срок до 1 года. В 1924 г. хулиганство понималось как «административный деликт», и лишь повторное хулиганское действие каралось лишением свободы на срок до 3 месяцев. В 1925–1926 гг. наказания за хулиганство ужесточились — повторные нарушения, совершаемые с особой дерзостью, влекли за собой тюремное заключение сроком до 2 лет²³.

Хулиганство 20-х гг. имело свои особые черты. Основную массу нарушителей в дореволюционном Петербурге составляли мелкие приказчики, ремесленники, жители ночлежек, босяки. Общественный порядок чаще нарушали лица в возрасте от 30 до 45 лет. В советской России основная масса хулиганов была моложе 25 лет. К концу 20-х гг.

оформился тип среднего советского нарушителя общественного порядка: «это чаще всего «свой парень», с рабочим номером и партбилетом в кармане...Его ореол — буза, мат, скандал, мордобой. Его царство — пивная, бульвар, клуб, киношка. Это он — король окраины, властелин предместий, гроза темных переулков»²⁴.

В 1924 г. на Урале преступления против порядка и управления были на втором месте по значимости среди всех видов преступлений. В этот период за нарушение правил, охраняющих публичный порядок в городах Уральской области наказанию подверглись 1085 человек (35% от всего количества преступлений против порядка управления), в 1925 г. — 701 человек (27% соответственно)²⁵.

К концу 20-х гг. хулиганство в столицах и крупных городах пошло на убыль, что связано было с уменьшением количества беспризорных, появлением сети культурно — просветительных учреждений, усилением репрессивных мер. Но, официально борясь с хулиганством, государство провоцировало молодежь на совершение хулиганских выходок (праздники «антирождества», выступления против политических противников).

Доля осужденных за беспорядки и бандитизм составила 1% в 1924 г., 0,6% в 1925 г. Среди преступлений преобладали имущественные преступления, за которые наказанию подверглось чуть менее половины всех осужденных в городах. 75% из этих людей были осуждены за кражи. Вообще за преступления, совершенные в городах Уральской области в 1924 г. были осуждены 9825 человек, в 1925 г. — 11929 человек (в сельской местности эти показатели были выше в 3 раза в 1924 г, в 1925 г. — в 2 раза)²⁶. Среди осужденных в 1924–1925 гг. преобладали хозяева с помогающими членами семьи (35,2%; 54,5% соответственно), рабочие (20,3%; 19,7%). Большая часть осужденных состояла в браке (70,9% в 1924 г.; 64,8% в 1925 г.)²⁷. Чаще среди осужденных были люди неграмотные, с низшим или домашним образованием.

На криминогенную обстановку в городах влияли и азартные игры. 9 ноября 1921 г. Совет труда и обороны РСФСР разрешил продажу игральных карт на территории страны. Народный комиссариат внутренних дел в середине 20-х гг. провел ряд ограничений, которые должны были предотвратить вредные последствия работы игорных заведений. Такие заведения не могли быть открытыми в сельской местности и уездных городах, разрешения на их открытие выдавались только благотворительным организациям (доход от подобных заведений составлял значительную часть бюджета местных организа-

ций Всерокомпома и Деткомиссии). Игорные заведения действовали в Оренбурге, Ирбите, Ишиме, Кунгуре, Кургане, Перми, Свердловске, Челябинске, Шадринске²⁸. Власти признавали, что закрытие этих заведений не означает уничтожения азартных игр и связанных с ними последствий. Однако в 30-е гг. игорные дома и клубы вновь были закрыты.

Повседневность уральского города первой половины 20-х гг. демонстрирует рост негативных проявлений, изменение характера девиантного поведения горожан. К концу 20-х гг. властные структуры все чаще рассматривали такое поведение с позиций политической конъюнктуры. Общество мало использовало возможности создания институтов социальной помощи людям, склонным к негативной девиантности и встало на путь репрессий.

Примечания

¹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 164.

² Там же. С. 163.

³ ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 152. Л. 24.

⁴ ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 152. Л. 48.

⁵ ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 152. Л. 48, 56.

⁶ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 164.

⁷ Уральская новь. 1922. №154 (11 июля). С. 4.

⁸ Уральский рабочий. 1923. №239. С. 5.

⁹ Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. №10. С. 136.

¹⁰ Рожков А. Беспризорники // Родина. 1997. №9. С. 70–71.

¹¹ Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. №10. С. 141.

¹² Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 165.

¹³ Уральский рабочий. 1924. №97. С. 8.

¹⁴ Непеин И. Неизвестный голод // Отечество. 1994. Вып. 5. С. 235, 238–239.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 153. Л. 70.

¹⁶ Уральский рабочий. 1923. №227. С. 5; №244. С. 5.

¹⁷ Уральский рабочий. 1923. №250. С. 7.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 27. Л. 132.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 27. Л. 130.

²⁰ Черных А.И. Становление России советской: 20-е гг. в зеркале социологии. М., 1998. С. 188–189.

²¹ Там же.

²² Ваганов В. В поход за библиотеку // Просвещение на Урале. 1929. №9. С. 71.

²³ Черных А.И. Становление России советской: 20-е гг. в зеркале социологии. М., 1998. С. 194.

²⁴ Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х гг. // Вопросы истории. 1994. №2. С. 31, 33.

²⁵ Социальная статистика Урала. Свердловск, 1926. Таблица №7. С. 156-157.

²⁶ Там же. С. 156-159.

²⁷ Там же. С. 168.

²⁸ Чистиков А.Н. Азартные игры в СССР середины 20-х гг. // Вопросы истории. 1994. №2. С. 139, 140.

В.Ю. Козлова (ПГУ)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ г. ПЕРМИ В КОНЦЕ XIX в.

Во второй половине XIX в. Пермь являлась городом, развитым в промышленном, торговом и культурном отношениях. Она была центром машиностроения, металлообрабатывающей и пищевой промышленности, важнейшим транспортным узлом Урала. Из года в год росло число людей, занятых в торговле. Активно развивалось банковское дело. Большое внимание уделялось образованию, здравоохранению и культуре. Развитие Перми в целом определило разнообразие профессий и видов деятельности, которыми занимались горожане.

Рассмотрение отдельных социально-профессиональных групп, своеобразие которых обусловлено экономическим и административным развитием города, важно для изучения городского населения. Мы будем рассматривать профессиональный состав основных этнических групп Перми, таких как русские, украинцы и белорусы, поляки, немцы, евреи, коми-пермяки и коми-зыряне, татары и башкиры, опираясь, главным образом, на данные «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» 1897 г. На профессиональную структуру этнических групп влияли особенности социального развития соответствующих народностей, потребность в тех или иных видах труда, административно-правовые ограничения. Часто мигранты стремились работать в близком этническом окружении. Предпочтение или неприятие некоторых видов труда могло быть связано с этническими традициями. В профессиональной структуре населения Перми были представлены все основные национальности, живущие в регионе.

В Перми русские чаще всего работали в семьях или были поденщиками (22%), в обрабатывающей промышленности трудились 8%, на транспорте 6,7%, изготовлением одежды были заняты 6,5%, тор-